

Судебныя дѣла также пугали покойнаго.

Какъ бывало принесть пакетъ изъ Консисторіи, онъ поблѣднѣетъ, какъ полотно, и въ испугѣ вскрываетъ пакетъ.

Предлагали ему нѣсколько разъ, кромѣ законоучительства, быть членомъ Консисторіи. Безъ малѣйшаго раздумья онъ отказывался. И вообще говаривалъ мнѣ:

„Нельзя набирать на себя нѣсколькихъ обязанностей, а то для *главной* всегда будетъ ущербъ. А кромѣ того, помни—всѣ мы Танковы,—по природѣ слабосильны“.

Однажды Д. Г. уговорилъ о. Алексѣя взять уроки въ педагогическихъ курсахъ при женской гимназіи. Онъ согласился, но послѣ двухнедѣльнаго преподаванія отказался наотрѣзъ, несмотря на неудовольствіе Жаворонкова. Его затруднило то обстоятельство, что послѣ урока въ женской гимназіи нужно было спѣшить ѣхать въ мужскую и наоборотъ. Тѣя пертурбаціи покойный не считалъ удобными. Часто уходя въ гимназію въ 8 часовъ утра и возвращаясь оттуда въ 8 часовъ вечера, онъ не тяготился службой. Работая дома для гимназіи письменно, онъ также не скорбѣлъ, постороннія же занятія, видимо, его тяготили.

Счастьемъ для него было то, что Елизавета Ивановна, моя матушка, берегла, такъ сказать, своего мужа и никогда не пеняла ему за то, что онъ отказывался отъ почетныхъ и оплачиваемыхъ должностей, напротивъ, всегда успокаивала его. Необыкновенно лестно было для неѣ стать женою ректора, (когда моему родителю предложили это мѣсто) имѣть казенную квартиру, экипажъ и др. удобства, кромѣ того и сыновья приближались къ поступленію въ семинарію. Прибавьте къ этому очень хорошій (по тому времени) окладъ жалованья, а между тѣмъ въ гимназіи мой отецъ оканчивалъ двадцатипятилѣтіе своей службы и могъ быть не оставленъ на дальнѣйшій срокъ. Трудно, очень трудно пришлось бы тогда нашей семьѣ. Но зная, что предложенная должность моему родителю не по сердцу, что онъ тогда потеряетъ спокойствіе души, моя матушка ни однимъ словомъ не выразила желанія быть „ректоромъ“ и не сдѣлала своему мужу ни одного намека на то, что хорошо было бы, если бы онъ согласился на предложеніе.